

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ. —

22 АВГУСТА.

№ 34

1910 ГОДА.

Церковная земля, какъ надежный источникъ содержания сельскаго духовенства.

Много писалось въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ и газетахъ, а также говорилось на съѣздахъ духовенства, о способахъ обезпеченія духовенства вообще, а въ частности сельскаго. Но въ виду устрашающей суммы (до 40 мил. руб.) вопросъ о приличномъ казенномъ или другомъ какомъ-либо жалованьѣ является—неосуществимымъ... Поэтому должно крѣпко держаться за существующіе доходы и, главнымъ образомъ, обратить вниманіе на церковныя земли—полевую и усадебную.

Несмотря на ясное указаніе существующихъ узаконеній, что „церковная земля составляетъ неприкосновенную собственность церковную и ограждается отъ всякихъ постороннихъ притязаній“ (т. IX Св. Зак. кн. I разр. 2 ст. 401), на практикѣ часто бываетъ или лучше сказать въ недавнее прошлое бывало, что ц. земля отнималась, перемѣнялась

на худшую или чрезполосно вводилась въ крестьянскіе или частно-владѣльческіе надѣлы; плановъ, не только на ц. усадебную землю, но даже и на полевую землю—не было, какъ это оффиціально даже засвидѣтельствовано ревизіями Епархіальнаго Начальства. Если и были планы, то причтъ владѣль не плановой землей, а совершенно другимъ участкомъ... Конечно, всѣ эти дефекты относительно церковнаго землевладѣнія не имѣли существеннаго значенія въ недавнемъ прошломъ,—когда жизнь въ деревнѣ отличалась сравнительною патриархальностію... Но въ настоящее время слѣдуетъ духовенству серьезно подумать о способахъ удержать свои церковные участки отъ „постороннихъ притязаній“... Года три тому назадъ жители с. К. всѣмъ селомъ запахали 26 дес. церковной земли с. М., куда раньше были приходомъ, считая эту землю своей, и въ результатѣ: судъ тянется три года, издержки съ обѣихъ сторонъ, земля пока въ рукахъ захватчиковъ, раздраженіе противъ духовенства.

А мало-ли такихъ случаевъ?

Съ усадебными землями дѣло обстоитъ еще хуже... Вновь поступающему причту объявляютъ, что „духовнымъ усадебной земли не полагается“, или отводятъ землю въ столь микроскопическихъ размѣрахъ, что на ней не только нельзя завести хозяйства, а даже и дома съ дворомъ поставить негдѣ... И снова судъ и кляузы да еще съ своимъ братомъ-духовнымъ...

А между тѣмъ духовенству необходимо имѣть точно очерченную землю—полевую и усадебную.

Въ настоящее время, какъ это болѣе всего извѣстно духовенству,—въ деревнѣ натуральные сборы отходятъ въ область преданій и всѣ продукты, если ихъ нѣтъ въ собственномъ хозяйствѣ, — необходимо покупать, иногда по цѣнѣ болѣе высокой, чѣмъ въ городѣ. Недавно я прочелъ въ газ. Вор. Тел., что жители ст. Лиски К.-В.-Р. ж. д. вьзять

за покупками продуктовъ въ Воронежъ, гдѣ они дешевле, чѣмъ въ Лискахъ. Въ подгороднихъ селахъ и за деньги нельзя достать такихъ продуктовъ первой необходимости, какъ молоко, масло, птица и проч., потому что все это или увозится въ города или же скупается на мѣстахъ... Слѣдовательно, чтобы не платить въ три дѣрога или же не сидѣть съ семьей безъ необходимаго питанія,—необходимо самимъ имѣть хозяйство: водить скотину и птицу, а для этого сѣять землю, имѣть гумно, огородъ и прочее.

Конечно, полнаго обезпеченія отъ сельскаго хозяйства нельзя ожидать,—но однако и большой нужды не потерпишь.

Интенсивное хозяйство съ плодоперемѣнными и многопольными системами требуетъ оборотнаго капитала и немногимъ изъ сельскаго духовенства подѣ силу. Исполная—то же мало выгодна, остается испытанное трехполье...

Разговоры объ „оземлененіи“ духовенства не должны бы насъ смущать.

Въ недавнее время приходилось слышать даже на Съѣздахъ предложеніе „возвратить ц. земли народу“ и заняться исключительно „своимъ дѣломъ“, т. е. службой въ храмѣ и въ школѣ... Неудивительно поэтому, что нѣкоторые мужички, не дождавшись добровольнаго отчужденія ц. земли,—стали захватывать ее силою... Затѣмъ начали устанавливать свою таксу за требоисправленія, а тамъ и гнать неугодныхъ имъ священниковъ...

А въ общемъ оказалось, что если бы не ц. земля, то духовенству не только содержать дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ, но даже и ѣсть нечего стало бы.

Итакъ держитесь, собратья, за церковную землю покрѣпче, сѣйте, а объ урожаѣ съ вѣрою молитесь Благодателю всяческихъ... Мы, сельское духовенство, что и кто не говорите, живемъ одною жизнію съ народомъ, поэтому аграр-

ный вопросъ намъ не менѣе, а пожалуй и болѣе близокъ, чѣмъ крестьянамъ. Потерять церковную землю—это значить подрубить сукъ, на которомъ сидишь!...

С. А. А. С.

О христіанскомъ воспитаніи въ школахъ ¹⁾).

(Изъ бесѣдъ съ слушателями педагогическихъ курсовъ въ г. Воронежѣ).

III.

Воспитывающее обученіе.

Содержаніе. Основная задача обученія. Религіозность, какъ основа обученія. Воспитательное значеніе Закона Божія. вспомога- тельные предметы Закона Божія. Церковно-славянское чтеніе. Чтеніе Псалтири и Часослова. Чтеніе историческихъ книгъ св. Писанія. Незаконность чтенія Евангелія, какъ учебной книги. Евангеліе, какъ слово Божіе, — ежедневное чтеніе Евангелія для на- зиданія и параллельно съ уроками по Свящ. Исторіи Новаго За- вѣта. Церковное пѣніе, воспитательное значеніе этого предмета и возможность его преподаванія не—спеціалистомъ. — Обученіе рус- скому языку. Религіозно-правственное вліяніе русскаго чтенія въ школахъ и условія этого вліянія. Воспитательное значеніе обученія грамматикѣ, ариметикѣ и чистописанію.

Когда къ вамъ въ школу приведутъ 30—40 дѣтей, не умѣющихъ правильно пересчитать пальцы на своихъ рукахъ, какую задачу ясно и сознательно ставите вы себѣ, приступая къ занятіямъ съ ними? Если вы говорите себѣ, что должны научить ихъ писать, читать и считать и еще сообщить имъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи, географіи и природовѣдѣ- нія, то вы ошибаетесь. Это не задача школы, а только средства къ достиженію задачи. Задача школы—помочь пра-

¹⁾ Продолженіе. См. № 33.

вильному духовному росту чловѣка, т. е. укрѣпить и развить его мыслительныя, сердечныя и волевыя способности, научить его сознательно смотрѣть на себя и на міръ Божій и выполнять въ жизни тѣ правила и воззрѣнія, какія были привиты въ школѣ. Когда вы опредѣленно поставите эту основную задачу, тогда не заблудитесь въ лабиринтъ знаній, не увлечетесь однимъ предметомъ въ ущербъ другимъ и не сообщите своему дѣлу механическаго или отвлеченнаго, исключительно книжнаго характера. Преподаваніе свое вы построите такъ, что оно будетъ отвѣчать на запросы пытливой и любознательной дѣтской души.

Съ этой точки зрѣнія и рассмотримъ программу начальной школы.

„Кому случалось слѣдить за развитіемъ умственныхъ и душевныхъ способностей въ ребенкѣ съ самаго ранняго возраста, тотъ, вѣроятно, замѣчалъ, что прежде всего вниманіе его останавливается на самыхъ общихъ, отвлеченныхъ и въ тоже время самыхъ практическихъ вопросахъ, по ихъ прямому отношенію къ личности каждаго. Онъ старается уяснить себѣ, что такое Богъ, свое отношеніе къ Богу, въ чемъ выражается Промыслъ, откуда добро и зло; онъ вслушивается въ первое лепетаніе своей совѣсти и съ жадностью спрашиваетъ объ отношеніи міра видимаго къ міру невидимому. Потомъ онъ старается приладить эти представленія къ понятіямъ, уже приобрѣтеннымъ имъ, связать новое со старымъ и все, что дѣлается съ нимъ или въ его глазахъ, обратить въ урокъ для себя. Главная задача (обученія) состоитъ именно въ облегченіи этой внутренней работы, такъ чтобы содержаніе, потребное для нея, никогда не оскудѣвало и въ тоже время не подавляло самостоятельности своимъ обиліемъ“ ¹⁾.

¹⁾ Ученіе и учитель. Кн. II, изд. 2-е, 1895, стр. 8—9

Отсюда становится понятнымъ, почему во главу угла начальнаго обученія полагается Законъ Божій. Справедливость этого положенія подтверждается и исторіей человѣчества. У каждаго народа развитіе духовное вытекало постепенно, какъ изъ своего основанія, изъ системы религиозныхъ вѣрованій. И вмѣстѣ съ тѣмъ эти вѣрованія вызывали живыя нравственныя дѣянія, дававшія опредѣленный обликъ самой народности. „Вѣра, говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ, предполагаетъ сознанный и не достигнутый идеаль, верховный и обязательный законъ; а кто усвоилъ себѣ законъ и внесъ его въ свою жизнь, тотъ чрезъ это самое сталъ выше міра явленій и приобрѣлъ надъ собою творческую силу: тотъ уже не прозябаетъ, а *образуетъ* себя“ ¹⁾.

„Священная Исторія Ветхаго Завета — исторія дѣтства человѣческаго рода, въ особенности близкая сердцу дѣтей и для нихъ назидательная“ ²⁾. Она удовлетворяетъ неизбѣжнымъ запросамъ дѣтскаго ума о началѣ мірозданія и протекшихъ вѣкахъ жизни человѣчества. Евангельская Исторія, отвѣчая той же потребности познающаго духа, удовлетворяетъ особенно запросамъ сердца и воли, пробуждая возвышеннѣйшія религиозныя чувства и вызывая высокіе нравственные поступки. Господь Иисусъ Христосъ сказалъ, что именно дѣти особенно способны воспріять тайны Царствія Божія, и что сами взрослые для обрѣтенія Царства небеснаго должны обратиться въ дѣтей, должны умалиться до дѣтскаго настроенія (Мѡ. XVIII, 3—4).

Задача учителя при преподаваніи Закона Божія состоитъ въ томъ, чтобы этотъ предметъ воспринимался дѣтьми въ его цѣльности и неразрывности, какъ исторія спасенія человѣческаго. Горе той школѣ, гдѣ дѣтямъ, гдѣ задалбливаются отдѣльныя исторіи, какъ уроки, безъ взаим-

¹⁾ Ученіе и учитель. Кн. 11, стр. 10.

²⁾ Программа церковно-прих. школъ, стр. 26.

ной связи, гдѣ дѣти знаютъ и о Сампсонѣ, и объ Авессаломѣ и объ Іезавели, но не понимаютъ, не чувствуютъ, въ чемъ и какъ выразились въ жизни этихъ лицъ пути Промысла Божія. Такое знаніе не только мертвое и бесплодное, но и мертвящее, убивающее живое религиозное сознание. Вотъ что говорить объяснительная записка къ Программѣ Закона Божія въ начальной школѣ. „Дѣти изъ живыхъ примѣровъ (Св. Исторіи) должны получить первыя понятія о главныхъ обязанностяхъ, какъ семейныхъ, такъ и общественныхъ (какъ должно почитать родителей и дорожить ихъ благословіемъ, о братней и родственной любви, объ обязанностяхъ слугъ и господъ и т. п.). Въ то же самое время дѣти увидятъ здѣсь начало и возникновеніе многихъ обычаевъ и обрядовъ, которые до сихъ поръ сохраняются въ семейномъ, общественномъ и церковномъ быту (семейныя могилы, закрытіе очей умершаго ближайшимъ родственникомъ, исканіе указаній свыше при выборѣ невѣсты, покрывало на головѣ ея и т. п.). Здѣсь открывается для наставника возможность {ознакомить дѣтей съ нѣкоторыми, и при томъ наиболѣе важными, сторонами человѣческой жизни и дать взгляду ихъ на всѣ явленія ея направленіе религиозное. Дѣти увидятъ, какъ Самъ Господь возвышаетъ власть вождя народнаго и первосвященника (пророки Моисей и Ааронъ) и строго караетъ противниковъ этой власти (казнь Корея, Дафана и Авирона) и какъ, наконецъ, передаетъ не иную, а свою собственную власть надъ народомъ—особенному Своему избраннику царю (исторія избранія на царство Саула) и какое внушается къ ней уваженіе, и какъ строго охраняется неприкосновенность помазанника Божія (отношеніе Давида къ Саулу). Въ жизни избранниковъ Божіихъ вообще и богоизбраннаго Еврейскаго народа въ особенности ясно и наглядно представляются пути Божія промысла: за преступленіемъ, большею частію, сейчасъ же изрекается и

неминуемо, рано или поздно, слѣдуетъ наказаніе, по молитвѣ подается прощеніе и помилованіе, пророки указываютъ пути Божественнаго промысла и впередъ предсказываютъ судьбы царствъ. Эта особенная очевидность путей Божія промысла въ событіяхъ Священной Исторіи воспитываетъ и утверждаетъ въ сердцахъ дѣтей живую и твердую вѣру, что всеміръ въ мірѣ править воля Всевышняго¹⁾.

Еще важнѣе для воспитанія христіанскаго настроенія выясненіе, при изученіи Св. Исторіи, мысли о необходимости спасенія, о постепенномъ приготовленіи къ нему человечества, о пришествіи въ міръ Христа—Обѣтованнаго Мессіи и объ ученіи Господа Іисуса Христа о спасеніи. Послѣ этого становится и живымъ, и дѣйственнымъ для мальчика изученіе краткаго катихизиса, которое безъ живыхъ примѣровъ и образовъ св. исторіи обращается въ изученіе мертвыхъ схемъ и формулъ, весьма вредныхъ для живого религіознаго чувства. Еще понятнѣе будетъ богослуженіе, и какъ художественное изображеніе событій исторіи, и какъ живое выраженіе вѣры. Дѣти выйдутъ изъ школы съ дѣйствительнымъ знаніемъ своей вѣры, а не обрывковъ изъ программы. Противъ такой постановки дѣла грѣшатъ тѣ законоучители, которые въ младшей группѣ ограничиваются однимъ заучиваніемъ молитвъ, безъ сообщенія общихъ понятій о вѣрѣ и главныхъ свѣдѣній о твореніи міра, грѣхопаденіи, рождествѣ Спасителя и двенадцатыхъ праздникахъ,—дѣти, часто бросающіе школу послѣ обученія чтенію и письму, такъ и останутся неоглашенными въ вѣрѣ. Грѣшатъ тѣ законоучители, которые въ средней группѣ изучаютъ только св. исторію Ветхаго Завета; потому что едва ли не половина, а въ женскихъ школахъ большинство

¹⁾Программа церк.-прих. шк. «Воспитательное значеніе предметовъ Закона Божія, преподаваемыхъ въ церковно-прих. школахъ, и нѣкоторыя указанія относительно ихъ преподаванія».

дѣтей оставляютъ школу послѣ второго года обученія;—и эти дѣти, знающіе судей израильскихъ, нечестивыхъ царей и вавилонское плѣненіе, почти ничего не слышали о жизни Господа Иисуса Христа и Его святѣйшемъ ученіи. Грѣшатъ тѣ законоучители, которые въ старшей группѣ не рассказываютъ дѣтямъ о богослуженіи, особенно о Божественной литургіи, такъ какъ не одинъ катихизисъ и не столько катихизисъ, сколько богослуженіе служить завершеніемъ и практическомъ выраженіемъ живого усвоенія истинъ христіанской вѣры.

Я не буду болѣе распространяться здѣсь о воспитательномъ значеніи изученія въ начальной школѣ Закона Божія, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, преподаваніе этого предмета есть долгъ священника,—и потому болѣе подробная рѣчь о Законѣ Божіемъ была бы умѣстна не на учительскихъ, а на законоучительскихъ курсахъ. Вы же, какъ помощники священниковъ, преподаете иногда этотъ предметъ подъ руководствомъ и отвѣтственностью своихъ священниковъ. Собственно же ваша обязанность преподавать вспомогательные предметы изъ Закона Божія, именно славянскій языкъ и церковное пѣніе. О воспитывающемъ значеніи этихъ предметовъ я и хочу побесѣдовать съ вами болѣе подробно.

Прежде всего я повторю то, что уже сказалъ при открытіи курсовъ: преподаваніе этихъ предметовъ стало падать въ церковныхъ школахъ съ тѣхъ поръ, какъ преобладающій контингентъ учителей сталъ свѣтскимъ. Учителя—о.о. діаконы и псаломщики любили эти предметы, даже предпочтительнѣе предъ русскимъ языкомъ и ариеметикой, потому что они жили въ этой стихіи славянскаго чтенія и церковнаго пѣнія. Съ назначеніемъ свѣтскихъ учителей, эти предметы стали обычными учебными предметами. Другими словами, они утратили свой жизненный характеръ. Съ тѣхъ поръ и ихъ воспита-

тельное значеніе упало. Весьма трудно живо и увлекательно преподавать славянскій языкъ, потому что это языкъ, говорить, мертвый. И, конечно, это мертвый языкъ для всякаго учителя, оторвавшаго преподаваніе его отъ Закона Божія, ограничившаго свою задачу заучиваніемъ славянскихъ словъ и оборотовъ и переводомъ на русскій языкъ. Даже здѣсь, на курсахъ, было замѣтно, что уроки славянскаго языка возбуждали въ васъ меньшій интересъ, сравнительно съ уроками русскаго языка и ариметики. Между тѣмъ, не только старые писатели (напр., Ломоносовъ), а и новѣйшіе педагоги признаютъ громадное образовательное и воспитательное значеніе этого языка. С. А. Рачинскій называетъ его „педагогическимъ кладомъ“, а К. П. Побѣдоносцевъ видитъ въ немъ „великое сокровище нашего духа, драгоценный источникъ и вдохновитель нашей народной рѣчи. Сила его, выразительность, глубина мысли, въ немъ отражающейся, гармонія его созвучій и построеніе всей рѣчи—создаютъ красоту его, неподражаемую. Но и здѣсь, конечно, если вся наука основана на памяти и на изученіи грамматическихъ формъ,—и она окажется бесплодною“¹⁾.

Противъ грамматическаго и формальнаго изученія этого языка я хочу васъ предупредить.

Въ нашихъ школахъ славянское чтеніе изучается по книжкамъ Н. И. Ильминскаго, по Псалтири, Часослову и Евангелію. Мнѣ приходилось слышать отъ учителей недоумѣніе, почему Программа по славянскому языку не упоминаетъ Евангелія, какъ книги для чтенія, и зачѣмъ Программа предлагаетъ читать Псалтирь и Часословъ, наиболѣе трудно понимаемые дѣтьми. Я думаю, что послѣднее недоумѣніе вытекаетъ изъ чисто школьнаго взгляда на славянское чтеніе. Высказывающіе это недоумѣніе утратили лю-

¹⁾ Ученье и учитель. Кн. 2, стр. 41—42.

бовъ къ великой исторической книгѣ, воспитывавшей на протяженіи многихъ вѣковъ живое религіозное чувство. „Изъ всѣхъ книгъ, написанныхъ руками человѣческими, ни одна, не исключая даже Евангелій, не положила на христіанское чувство и сознание печати столь неизгладимой, столь повсемѣстной, столь властной, какъ именно Псалтирь. Самая пророческая изъ пророческихъ книгъ, она стала азбукой христіанства. Въ тоже время она остается вѣнцомъ молитвеннаго пѣснопѣнія, недосягаемымъ образцомъ, неизсякаемымъ источникомъ, питающимъ поэтическое творчество двухъ тысячелѣтій“¹⁾. И, въ частности, для русскаго народа эта книга была неизсякаемымъ источникомъ религіознаго утѣшенія. „Случалось ли вамъ, говорить С. А. Рачинскій, случалось ли вамъ, при вынужденной ночевкѣ въ крестьянской избѣ, осматрѣвъ отъ скуки всю скудную ея обстановку, раскрыть ту единственную книгу, въ почернѣвшемъ отъ времени переплетѣ, которая лежитъ подъ полкою съ образами? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, эта книга—Псалтирь. Запятнаны ея страницы, обтерты ихъ углы. Тутъ есть капли воска, есть капли слезъ, медленно падашія на эти страницы во время долгихъ ночныхъ чтеній по дорогимъ покойникамъ. Не разсѣянною небрежностью истрепаны эти углы; но благоговѣйнымъ переворачиваніемъ этихъ страницъ, быть можетъ, многими поколѣніями. И при всякомъ чтеніи, для чтеца, по мѣрѣ его умственнаго и нравственнаго роста, яркимъ пламенемъ вспыхивалъ внутренній смыслъ того или другаго реченія, до тѣхъ поръ непонятнаго, и съ каждымъ чтеніемъ дороже становилась ему старая книга, лежащая подъ образами“²⁾. Умѣстно напомнить здѣсь еще одно историческое свидѣтельство о всемірномъ значеніи псалтири. Іоаннъ Гуссъ, съ молодыхъ лѣтъ изу-

1) С. А. Рачинскій. Сельская школа, стр. 302.

2) Тамъ же, стр. 307—308.

дившій все Св. Писаніе съ толкованіями, прославившійся своими лекціями и проповѣдями, основанными на Св. Писаніи, подвергся гоненіямъ со стороны католическаго духовенства. Онъ былъ лишенъ мѣста и брошенъ въ тюрьму. И вотъ, послѣ продолжительнаго заключенія и горькихъ лишеній, онъ писалъ своимъ друзьямъ: „теперь только я началъ понимать Псалтирь“. Такъ вѣчная книга воспринимается различно на разныхъ ступеняхъ образованія и нравственнаго развитія, но болѣе всего удовлетворяетъ запросамъ живого чувства, страданіямъ души, алчущей правды и успокоенія.

Но въ такомъ случаѣ школьное чтеніе этой книги плодотворно только тогда, когда самъ учитель любитъ ее. При этомъ условіи, это будетъ живое чтеніе, питающее религіозное чувство дѣтей. Тогда заучиваніе такихъ псалмовъ, какъ „Живый въ помощи Вышняго“, будетъ плодотворнѣе не только въ чисто воспитательномъ, но и въ художественномъ отношеніи, чѣмъ заучиваніе стихотвореній. А ученическое чтеніе псалмовъ въ церкви доставитъ высокое удовлетвореніе не только дѣтямъ, но и взрослымъ. Но если учитель, самъ не любя эту книгу, будетъ читать ее, чтобы выполнить программу, будетъ останавливаться и переводить или даже объяснять каждое непонятное слово и того же требовать отъ учениковъ, — тогда живое дѣло обратится въ мертвое, бездушное, тогда именно и будетъ изученіе мертваго языка, наподобіе древнихъ языковъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ.

Тоже нужно сказать и объ историческихъ чтеніяхъ, помѣщенныхъ въ книжкахъ Н. И. Ильминскаго. Такъ какъ они легче по содержанію, то ихъ слѣдуетъ не только читать, но и переводить, останавливаясь на усвоеніи непонятныхъ словъ и выраженій. Но главное—все же въ воспитательномъ воздѣйствіи чтенія, когда усвоится главная

мысль прочитаннаго, хотя бы частности, отдѣльными словами и выраженіями и не были отчетливо усвоены. Конечно, только педагогическій тактъ подскажетъ учителю, гдѣ границы между формально-грамматическимъ и воспитательнымъ чтеніемъ. Съ своей стороны, совѣтую вамъ располагать славянское чтеніе такъ, чтобы оно шло параллельно съ изученіемъ свещ. исторіи. Если славянское чтеніе будетъ сопровождать рассказы законоучителя, то оно, будучи очень необременительнымъ по усвоенію, въ тоже время сдѣлается въ собственномъ значеніи вспомогательнымъ предметомъ для Закона Божія. Тогда усвоеніе непонятныхъ словъ и выраженій вполне умѣстно: оно не отвлечетъ дѣтей отъ содержанія читаемаго. Тогда и дѣти почувствуютъ, что священно-историческій рассказъ имѣетъ особое, необычное значеніе. Тогда и для нихъ откроется особый смыслъ славянскаго языка, какъ языка вѣры.

„Человѣка называютъ существомъ духовно-тѣлеснымъ; когда онъ живетъ и говоритъ, какъ существо тѣлесное, онъ пользуется своимъ природнымъ языкомъ; когда онъ живетъ, какъ существо духовное, онъ употребляетъ уже другой языкъ, въ которомъ нѣтъ даже необходимыхъ словъ и формъ для выраженія тѣлесныхъ и повседневныхъ нуждъ, нѣтъ вовсе словъ для выраженія низменныхъ, грубыхъ понятій, но зато есть готовыя легкія формы для выраженія возвышеннѣйшихъ движеній души. Языкъ нашъ въ храмѣ долженъ быть, естественно, чуждымъ житейской суеты, языкомъ священнымъ, посвященнымъ исключительно Богу. И внести въ храмъ обыкновенную разговорную рѣчь, которая такъ оземлилась, осуетилась и опошлилась, было бы опаснымъ для самой религіи. Не даромъ въ научной психологіи существуетъ теорія, утверждающая, что въ сферѣ чувствъ внѣшнее выраженіе чувства играетъ существенную роль, не меньшую, чѣмъ самое чувство. Уничтожьте это внѣшнее выраженіе, и дан-

номъ случаѣ—славянскій языкъ, въ который облакаются релігіозныя мысли и чувства, и самое содержаніе, самыя выраженія чувства исчезнуть или должны будутъ видоизмѣниться“¹⁾).

Послѣ изложеннаго, я думаю, для васъ понятнѣе станетъ исключеніе изъ Программы по славянскому языку Евангелія. Если вообще опасно дѣлать славянское чтеніе предметомъ чисто учебнымъ, то о чтеніи Евангелія это слѣдуетъ сказать преимущественно. Евангеліе не должно спускаться до значенія обыденной книги. И весьма неприятно видѣть, какъ мальчикъ вынимаетъ изъ грязной сумки, гдѣ у него лежитъ и кусокъ хлѣба и иногда кусокъ сала, обтрепанное, измятое Евангеліе, иногда безъ переплета и заглавнаго листа. Напротивъ, пріятно видѣть, когда эта книга содержится въ особой опрятности и когда мальчикъ, раскрывая эту книгу, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Еще вреднѣе обращать Евангеліе въ учебную книгу. Здѣсь я напомнимъ вамъ кратко о томъ, что говорилъ на урокахъ методики русскаго языка о преподаваніи русскаго чтенія. Образовательнымъ можетъ быть только чтеніе, дающее цѣльные образы, производящее цѣльное впечатлѣніе. Напротивъ, чтеніе частями, обрывками производитъ отрицательное вліяніе, не развивающее, а притупляющее. Чтеніе же художественныхъ произведеній, дающихъ живые и яркіе образы, рѣшительно нельзя дѣлать предметомъ грамматическаго разбора, такъ какъ детальный анализъ словъ такого произведенія разрушаетъ живое впечатлѣніе отъ прочитаннаго. Но въ такомъ случаѣ еще болѣе недопустимо чисто учебное чтеніе Евангелія, книги не только высокохудожественной, но и священно-вдохновенной, книги жизни, а не словъ и

¹⁾ Историч. очеркъ развитія церковныхъ школъ за истекшее 25-лѣтіе (1884—1909 г.г.). Изд. Училищ. Совѣта при Св. Синодѣ, Спб. 1909, стр. 212—213.

выраженій. Нельзя допускать, чтобы спасительныя слова нашего Господа дѣлали предметомъ этимологическаго и синтаксическаго разбора, — это не только антипедагогично, но и кощунственно. „Ты преподаешь дѣтямъ Законъ Божій... Больше всего берегись дѣлать изъ Евангелія учебную книгу: это грѣхъ. Это значитъ *въ ребенкѣ* обезцѣнивать *для человека* книгу, которая должна быть для него сокровищемъ и руководствомъ цѣлой жизни. *Страшно* должно быть для совѣсти разбивать слово жизни на бездушныя кусочки и дѣлать изъ нихъ мучительныя вопросы для дѣтей. Приступать съ рѣчами о Евангельскихъ словахъ къ дѣтямъ и вызывать у нихъ отвѣты — для этого нужна душа, чуткая къ ощущеніямъ дѣтской души, — но когда приступаютъ къ дѣлу съ одной механикой программныхъ вопросовъ и ставятъ цифирныя отмѣтки за отвѣтъ на вопросы, иногда неловкіе и непонятые ребенкомъ, — вызывая волненіе и слезы, — грѣхъ принимаютъ себѣ на душу экзаменаторы — и можно сказать объ нихъ: не вѣдаютъ, что творять — съ душою ребенка“ ¹⁾.

Но сказанное нисколько не утверждаетъ той мысли, что Евангеліе не должно читаться въ школѣ. Совсѣмъ напротивъ: Евангеліе должно ежедневно читать въ школѣ, но не въ качествѣ очереднаго урока, а въ качествѣ назидательнаго чтенія. Прежде всего его необходимо читать послѣ утренней молитвы, какъ голосъ Самого Господа къ дѣтямъ въ началѣ дня. Затѣмъ, учитель на урокахъ славянскаго языка читаетъ евангельскія повѣствованія параллельно съ уроками законоучителя.

Вторымъ вспомогательнымъ къ Закону Божию предметомъ служить церковное пѣніе. Постановка этого предмета въ нашихъ школахъ также заставляетъ желать большихъ улучшеній. Въ программѣ церковной школы этотъ предметъ

¹⁾ Ученье и учитель. Кн. I, стр. 27.

занимаетъ третье мѣсто, послѣ Закона Божія и церковно-славянскаго языка. Но въ дѣйствительности, въ громаднѣмъ большинствѣ случаевъ этотъ предметъ или стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ, или совсѣмъ не преподается. Для него или не хватаетъ времени, или не оказывается учителя. Часто даже знающій этотъ предметъ учитель не преподаетъ его, считая необязательнымъ, потому что другіе—незнающіе пѣнія—учителя свободны отъ преподаванія его. Отсюда создано представленіе, что пѣніе преподается за особое вознагражденіе. Разсуждая по казенному, мы должны признать такой взглядъ обоснованнымъ. Но онъ невысказанъ для учителя, понимающаго задачу и значеніе церковной школы, какъ воспитательнаго учрежденія. Если эта школа должна не только научить вѣрѣ, но и воспитать христіанскія чувства, то она научитъ ихъ и церковному пѣнію, которое есть голосъ вѣрующаго сердца. Я не буду уже говорить о высокохудожественныхъ достоинствахъ нашего церковнаго пѣнія. Вы слышали объ этомъ неоднократно и въ самой убѣдительной формѣ здѣсь на урокахъ пѣнія. Скажу только, что слышанное вами здѣсь раздѣляется всѣми знатоками пѣнія и педагогами. И среди васъ до половины знающихъ учителей пѣнія—регентовъ, которымъ нѣтъ нужды доказывать значеніе этого предмета и удовольствіе, доставляемое имъ и учителю, и ученикамъ.

Но мнѣ хотѣлось бы убѣдить и другую половину слушателей, не обладающихъ ни хорошимъ голосомъ, ни большими знаніями, убѣдить въ томъ, что пѣніе не только слѣдуетъ, но и возможно преподавать въ школѣ и имъ.

Прежде всего я долженъ сказать, что неосновательно мнѣніе, будто нѣтъ времени на обученіе пѣнію. Напротивъ, пѣніе освѣжитъ и ободритъ дѣтей, такъ какъ оно внесетъ разнообразіе въ ихъ занятія. А кромѣ того, оно безъ отупляющаго зазубриванія дастъ дѣтямъ знаніе многихъ молитвъ

и пѣснопѣній, которыя обязанъ усвоить школьникъ, и практически познакомить съ порядкомъ богослуженія.

Но возможно ли преподавать пѣніе не-специалисту? Возможно, если этотъ не-специалистъ не совершенно лишенъ слуха; но вѣдь такіе, совершенно лишенные слуха,—исключительное явленіе. Я знаю одинъ особенно памятный мнѣ опытъ, когда неспециалисты заставили пѣть все село. Инициаторомъ дѣла былъ священникъ, который совершенно не пѣлъ самъ, но который любилъ уставную церковную службу и умѣлъ хорошо служить. Его сослуживцы—діаконъ и псаломщикъ знали осмогласіе и простые напѣвы постоянныхъ пѣснопѣній церковной службы, не зная нотъ. Но оба они любили церковное пѣніе. И они научили простымъ церковнымъ напѣвамъ не только школьниковъ и школьницъ, но и весь приходъ. Псаломщикъ съ школьниками и любителями сталъ становиться не на клиросѣ, а среди церкви. И вотъ вокругъ нихъ, какъ вокругъ ядра, стали собираться всѣ, хоть немного интересующіеся церковнымъ пѣніемъ. Года черезъ три пѣніе стало общественнымъ въ строгомъ смыслѣ слова. Съ большимъ воодушевленіемъ церковь пѣла даже цѣлыя псалмы 102 и 103. Но особенно меня поразило пѣніе длинныхъ „статій“ на утрени въ великую субботу. Стоя среди церкви, я случайно оглянулся на одинъ особенно звонкій голосъ, и увидѣлъ, что то была *слѣпая*: она съ голоса не только научилась пѣть, но и заучила длинныя „статіи“,—очевидно, силенъ былъ интересъ, сильна была любовь, собиравшая этихъ трудовыхъ людей на многочисленныя спѣвки. Но были ли это только спѣвки? Нѣтъ, то были молитвенныя собранія, начавшіяся безъ побужденій со стороны священника, просто потому, что зажглась въ приходѣ любовь къ церковной пѣснѣ. Часто лѣтомъ, въ вечернюю пору, особенно подъ праздничные дни, я слышалъ на улицѣ пѣніе псалмовъ—„Благослови, душе моя Господа“.

„Хвалите имя Господне“ и др. Увлечение пѣніемъ было такъ сильно, что священникъ сталъ даже опасаться, какъ бы оно не привело къ сектантскимъ сборищамъ. Такъ продолжалось лѣтъ 6—7. Но потомъ священникъ охладѣлъ къ общему пѣнію, а новый псаломщикъ пожелалъ завести хоръ. Дѣло сдѣлано: хоръ организованъ, появились пьяные пѣвчіе, непристойно ведущіе себя въ церкви и расхаживающіе въ праздники по богатымъ людямъ съ „концертами“. Но замерло большое хорошее дѣло, замеръ въ приходѣ голосъ вѣрующаго сердца, и храмъ уже пересталъ поднимать общее настроеніе всѣхъ молящихся такъ, какъ поднималъ прежде.

Я рассказалъ вамъ то, что наблюдалъ у себя въ родномъ селѣ. Вы могли бы рассказать здѣсь и другіе аналогичные случаи. Не техническія знанія, а любовь къ церковному богослуженію можетъ вызвать и въ школѣ, и въ приходѣ безхитростное, но живое, одушевленное пѣніе. И какъ хотѣлось бы, чтобы вы всѣ прониклись этою мыслию и сдѣлали церковное пѣніе любимымъ занятіемъ школы. Вы сами найдете въ этихъ занятіяхъ источникъ высокой духовной радости и средство укрѣпить свое вліяніе не только среди учениковъ, но и среди всего населенія.

„Вотъ наступила осень. Быстро убываютъ размѣры трудового дня. Еще недѣля, и закипитъ жизнью затихшая на лѣто школа. Начнутся длинныя вечернія спѣвки, и проба новичковъ, и толки о предстоящихъ праздничныхъ службахъ, и вечернія посѣщенія дорогихъ учениковъ, приходящихъ заучить свою партію, отдохнуть, въ свѣтѣ и теплѣ, за чтеніемъ доброй книги.

Благословенна наша суровая сѣверная природа, полагаящая неумолимые предѣлы физическому труду селянина, повелительно призывающая насъ къ дѣятельности духа. Благословенны и долгая осенняя распутица, и безконечныя зимнія ночи, и скромная сельская церковь, собирающая подѣ

сѣнь свою дѣтей и юношей напоминаніемъ о томъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ!“ 1). Тогда создается то родство между учителемъ, учениками и взрослыми крестьянами, которое составляетъ предметъ горанихъ, но большею частью безплодныхъ желаній образованнаго человѣка, тогда естественно исчезаетъ та глубокая пропасть, которая давно образовалась между интеллигентнымъ человѣкомъ и мужикомъ. „Только предъ Богомъ существуетъ равенство на землѣ. Только въ служеніи Ему дано вкусить это равенство, коего неутолимо жаждетъ наша душа. Только тутъ, на клиросѣ бѣдной церкви, въ общихъ стараніяхъ о дѣлѣ, не приносящемъ никакой земной пользы, дано намъ недвѣцѣрно чувствовать, дано намъ радостно сознавать, что малограмотный крестьянинъ не хуже, а лучше насъ, что не мы ему, а онъ намъ оказываетъ великое благодѣяніе. Въдѣ, по церковному мы читаемъ плохо и въ церкви читать не дерзаемъ. Да и умѣемъ ли мы молиться такъ, камъ молятся крестьяне?

Да, въ этихъ заботахъ о церкви, — о томъ, чтобы сдѣлать вразумительнымъ ея нравственное ученіе, о томъ, чтобы проникло оно въ сердца всѣми путями: и дивнымъ ея языкомъ, — и живымъ, и отрѣшеннымъ отъ жизни земной, — и строгою красою ея пѣснопѣній и обрядовъ; о томъ, чтобы наложило оно свою печать на нашу жизнь; о томъ, *да созиждутся стѣны Иерусалимскія* — мы перестанемъ быть благотворителями, вокругъ насъ нѣтъ болѣе облагодѣтельствованныхъ. Всѣ мы — смиренные дѣлатели на нивѣ Божіей, единственной нивѣ, на которой возможно работать намъ рядомъ 2).

До сихъ поръ я говорилъ о воспитывающемъ въ пра-

1) С. А. Рачинскій. Сельская школа, стр. 123.

2) Тамъ же, стр. 236.

вославно-христіанскомъ духъ обученіи Закону Божию, церковнославянскому языку и церковному пѣнію. Мысль о такомъ обученіи требовала не доказательствъ, а только раскрытія. Иное дѣло, когда рѣчь касается обученія русскому языку и ариеметикѣ. Здѣсь уже требуется не только раскрывать, но и доказывать, что обученіе этимъ предметамъ имѣетъ и воспитывающее, а обученіе русскому языку—христіански-воспитывающее значеніе.

Нерѣдко и раньше приходилось слышать возраженіе противъ особаго типа церковной школы, выходящее изъ той мысли, что общее образованіе, состоящее въ изученіи родного языка (преимущественно), не можетъ входить въ понятіе христіанскаго оглашенія, ради котораго учреждена церковная школа. Въ самое послѣднее время эта же мысль ярко выразилась при обсужденіи въ думской комиссіи по народному образованію законопроекта о начальномъ обученіи. Когда возникъ вопросъ о вѣроисповѣданіи учителя русской народной школы и большинство признало необходимымъ для учителя православное исповѣданіе, то очень видные члены комиссіи остались при особомъ мнѣніи, доказывая, что общеобразовательные предметы (русскій языкъ и ариеметику) могутъ преподавать и инославные учителя. Намъ необходимо поэтому выяснить не только общее воспитательное значеніе родного языка, но и неизбѣжность положительнаго или отрицательнаго религіознаго вліянія на учениковъ при преподаваніи родного языка.

„Языкъ народа, говоритъ К. Д. Ушинскій, —лучшій, никогда не увядающій и вѣчно вновь распускающійся цвѣтъ всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. Въ языкѣ одухотворяется весь народъ и вся его родина; въ немъ претворяются творческою силою народнаго духа въ мысль, въ звукъ и картину небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея климатъ, ея поля, горы и

долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы, — весь тотъ глубокий, полный мысли и чувства, голосъ родной природы, который говоритъ такъ громко въ любви человѣка къ его иногда суровой родинѣ, который высказывается такъ ясно въ родной пѣснѣ, въ родныхъ напѣвахъ, въ устахъ народныхъ поэтовъ. Но въ свѣтлыхъ, прозрачныхъ глубинахъ народнаго языка отражается не одна природа родной страны, но и *вся исторія духовной жизни народа*. Въ сокровищницу роднаго слова складываетъ одно поколѣнiе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движенiй, плоды историческихъ событiй, вѣрованiя, воззрѣнiя, слѣды прожитого горя и прожитой радости, — словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившiя, живущiя и будущiя поколѣнiя народа въ одно великое, историческое, живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезаетъ народный языкъ, — народа нѣтъ болѣе“.

Отсюда ясно могучее воспитывающее значенiе народнаго языка. Изучая его, ребенокъ приобщается ко всей нажитой народомъ культурѣ: къ народнымъ вѣрованiямъ прежде всего, затѣмъ къ народнымъ повседневнымъ взглядамъ на явленiя жизни, къ народнымъ обычаямъ и законамъ.

Если мы съ этой, единственно вѣрной, точки зрѣнiя посмотримъ на изученiе русскимъ мальчикомъ своего роднаго языка, то для насъ станетъ очевиднымъ, что русскiй языкъ не только воспитаетъ русскаго человѣка, любящаго свою родную природу, свой родной народъ въ его многострадальной исторiи; но прежде всего воспитаетъ *православнаго* человѣка, такъ какъ ничто такъ ярко не запечатлѣно въ исторiи Россiи, какъ озаряющiй ее свѣтъ Православiя, особенно въ жизни великихъ русскихъ подвижниковъ,

миссіонеровъ, святителей, благовѣрныхъ князей и смиренныхъ крестьянъ, которые самое имя усвоили себѣ отъ христіанства. Замолчать, вычеркнуть изъ русской жизни все прошлое и настоящее Православіе — значитъ вычеркнуть самую душу русскаго народа.

Возможно ли въ такомъ случаѣ въ народной школѣ быть неправославному учителю русскаго языка? Возможно, конечно, если цѣлью обученія будетъ поставлено вытравленіе всего самаго дорогого, чѣмъ жилъ и живетъ русскій человѣкъ. Но при положительномъ взглядѣ на Православіе русскаго человѣка такой взглядъ есть полнѣйшій абсурдъ. Какъ будетъ вести неправославный учитель объяснительное чтеніе статей по русской географіи и исторіи, гдѣ все болѣе или менѣе значительное неизгладимо запечатлѣно духомъ Православія. Кіевъ, Москва, Соловки, Валаамъ, — можно ли ихъ выбросить изъ русской географіи? Князь Владимиръ, Александръ Невскій, Сергій Радонежскій, митрополитъ Филиппъ, патріархъ Гермогенъ, — что останется безъ нихъ отъ русской исторіи? Нѣтъ, учитель русскаго языка, чтобы сдѣлать свое обученіе воспитывающимъ, непремѣнно долженъ быть убѣжденнымъ православнымъ человѣкомъ.

Но задача учителя русскаго языка въ дѣлѣ воспитанія иная, чѣмъ въ законоучительствѣ. Тамъ — прямое назиданіе; здѣсь воздѣйствіе живыми описаніями и разсказами. Дать почувствовать дѣтямъ художественными описаніями красоту русской природы — значитъ усилить любовь къ родинѣ; пробудить увлекательными разсказами изъ родной исторіи любовь къ родному народу въ его прошломъ; разсказами религиозно-нравственнаго характера воспламенить желаніе добра и правды, — вотъ задача русскаго чтенія въ школѣ. Постоянный морализмъ, въ формѣ нравственныхъ выводовъ и назидательныхъ сентенцій, при этомъ нежелателенъ. Пусть самый разсказъ произведетъ впечатлѣніе своею художествен-

ностью; пусть проникновенное чтение самого учителя паразитическое сердце своею искренностью, — тогда нравственное, воспитывающее влияние чтения будет обеспечено без назидательных сентенций; которые, при частом повторении, являются утомительными, скучными и бездѣйственными. Особенно неумѣстны такія сентенціи послѣ чтения художественныхъ стихотвореній, производящихъ сильное впечатлѣніе красотой своихъ образовъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о преподаваніи грамматики, ариметики и чистописанія. Безъ сомнѣнія, здѣсь не можетъ быть рѣчи о религіозно-воспитывающемъ обученіи. Но, безъ сомнѣнія же, общее воспитывающее значеніе этихъ предметовъ очень велико. Въ умственномъ отношеніи первые два предмета имѣютъ очень большое формально-развивающее значеніе: и грамматика, и особенно ариметика формируютъ мысль, даютъ ей ясность и отчетливость. Это — практическіе уроки логики. Въ воспитательномъ отношеніи они важны тѣмъ, что приучаютъ къ тщательному исполненію работы, къ тому, что называется добросовѣстностью мысли и труда. Посмотрите на рѣшеніе ариметическихъ задачъ, на диктанты или только на тетради по чистописанію, — по нимъ вы опредѣлите и старательность ученика, и его чистоплотность; болѣе того, по нимъ вы опредѣлите фізіономію всей школы и ея учителя. Приучить дѣтей писать чисто, исполнять не только грамматическія и ариметическія правила, но и опредѣленные формы письма или опредѣленный внѣшній порядокъ расположенія задачи — значитъ привить дѣтямъ любовь къ порядку и опрятности въ дѣйствіяхъ и возможно только при систематическомъ учительскомъ трудѣ.

Существуетъ мнѣніе, что и занятія по ариметикѣ должны быть запечатлѣны религіозно-нравственнымъ характеромъ. Сторонники этого мнѣнія рекомендуютъ составлять

задачи надъ вычисленіемъ событій изъ свящ. исторіи, т. е. изъ библейской хронологіи, или задачи нравственно-практическаго характера, въ родѣ, напр. задачи изъ задачника С. А. Рачинскаго: сколько пропиваетъ крестьянинъ въ годъ, если ежедневно передъ обѣдомъ выпиваетъ рюмку водки? Результатъ:—крестьянинъ пропиваетъ, при этомъ условіи, цѣну коровы,—производитъ сильное впечатлѣніе не только на дѣтей, но и на взрослыхъ, особенно на матерей семействъ. Нельзя не признать умѣстность и желательность такихъ задачъ; но нельзя не признать также и того, что невозможно составить цѣлый задачникъ изъ такихъ задачъ, на всѣ правила и на всѣ типы. А главное—здѣсь будетъ бросаться въ глаза искусственность задачника, натяжки въ его построеніи для двухъ несродныхъ цѣлей. Такая искусственность, какъ и излишній, сплошной морализмъ въ объяснительномъ чтеніи, можетъ повести не къ положительнымъ, а къ отрицательнымъ результатамъ въ дѣлѣ воспитанія.

Вы поставлены въ школѣ для того, чтобы научить дѣтей понимать міръ Божій и видѣть въ жизни исполненіе христіанскаго долга. Помните эти задачи, и тогда вашъ собственный педагогическій тактъ подскажетъ вамъ границу морализма въ дѣлѣ обученія, и тогда воспитывающій характеръ вашего обученія не допуститъ васъ до предвзятыхъ и навязчивыхъ сентенцій.

П. Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

Маленькія труженицы и небольшіе труженики.

Вотъ и приближается время подготовки къ приемнымъ экзаменамъ въ Женское Епархіальное Училище и въ мужское духовное Училище

Въ 1-хъ числахъ мая только кончились выпускные экзамены въ сельской школѣ, погуляли прекрасный весенній мѣсяцъ и снова за книги, за таблицы, за коренныя слова, за сомнительныя гласныя и согласныя и. т. д.

И нельзя безъ этого, чтобы безъ сомнѣнія быть принятому, нужно все твердить, повторять, заучивать, боясь, какъ бы не попасть за бортъ. А все таки тяжело: зиму учились, лѣто готовится нужно, а тамъ,—если Богъ дастъ, начнемъ учиться снова до мая мѣсяца.

И все-таки страшно: готовишься, стараешься и въ вдругъ провалишься, слезы у тебя, слезы у родителей и снова битая, поперечная подготовка на круглый годъ. Другое дѣло,—экзаменъ въ маѣ мѣсяцѣ: сдашь—гуляешь цѣлое лѣто, не сдашь—можно къ августу приготовиться и сдать. Здѣсь какъ-то легче и тебѣ и родителямъ.

Но положимъ—нѣкоторымъ тяжело будетъ путешествовать до 2-хъ разъ въ губ. городъ, но вѣдь можно предупредить, чтобы всѣ готовились лучше и не баловались отъ родителей.

Впрочемъ можетъ быть начальству не совсѣмъ пріятно возиться съ этою сельскою мелочью, когда свои экзамены кругомъ, но вѣдь есть же при училищахъ образцовыя школы и учителя и есть много по городу членовъ училищныхъ совѣтовъ; есть много законоучителей церковныхъ школъ, которые, я думаю, не откажутся, для блага дѣтей, принять участіе въ испытаніи поступающихъ въ заведеніе, вѣдь главное провѣсть нужно добросовѣстно письменныя работы, по нимъ многое можно заключить объ испытанномъ,

и если окажутся безукоризненные успѣхи по арифметикѣ, такъ о чтеніи нынѣшнее время и говорить нечего. Да вѣдь въ гимназіяхъ все успѣваютъ совмѣщаютъ и хорошо выходить и для дѣтей и для родителей. Я и дочь нашего торговца вмѣстѣ учились въ сельской школѣ. Экзаменъ у насъ былъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ; въ Маѣ мѣсяцѣ моя подруга поѣхала въ г. Усмань и сдала экзаменъ въ гимназію, она теперь отдыхаетъ, а я сижу и усиленно готовлюсь къ экзамену въ Женское Епархіальное Училище и не знаю, какъ— Богъ дастъ мнѣ за труды.

Ученица Сельской школы *Пятницкая*.

De profundis..

Въ часы покаянья душой вознесуся къ Тебѣ, Иисусе—
Единый мой вѣчный, не меркнуцій свѣтъ!
Грѣхомъ я, какъ черною ризой, одѣтъ... Меня убѣли
Твоею святою пречистою кровью,
Согрѣй мое сердце Твоею любовью,
Надежду и миръ, о Всещедрый, Ты мнѣ ниспосли.
Разсѣй искушенія мракъ, злобныхъ демоновъ рати!
Совѣты лукавые ихъ разори,
И путь мой сіянемъ небеснымъ Твоей благодати
И грѣшную душу мою озари!..
О, пусть предъ Тобой, какъ ночная лампада
Предъ образомъ чуднымъ Твоимъ,
Горитъ моя вѣра...
Закрылась блаженнаго рая ограда,
И пламенный мечъ свой поднялъ херувимъ.
Я гибну! Враги мои душу мою обступили,
Какъ лютые сирадинные псы...
О Богъ мой! о Спасъ мой! моя Ты и крѣпость и сила—
Тебя призываю: спаси!

Митр. Аскоченскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Мастерская духовнаго платья П. П. КНЯЖЕВА

передана

А. С. КУДЕЛИНУ

въ Воронежъ уг. Москов. и Покров. близъ Круг. ряд

Пріемъ заказовъ духовнаго, ученическаго и статскаго платья.
Заказы исполняются подъ личнымъ наблюдениемъ добросовѣстно и аккуратно.

Цѣны умеренныя.

(1-2)

Съ почтеніемъ А. Куделинъ.

И. М. ВОЛЬФЪ

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

леченіе, пломбированіе зубовъ золотомъ, фарфоромъ и т. п.
Искусственные зубы по новѣйшему способу, удаленіе зубовъ
безъ боли.

Б.-Дворянская, д. Русакова противъ Дворянской части.

Пріемъ отъ 9 до 7 часовъ вечера.

Духовнымъ скидка.

(23—52)

Отъ Правленія Задонскаго духовнаго училища.

Правленіе Задонскаго духовнаго училища симъ извѣщаетъ, что 1) переэкзаменовки и пріемныя испытанія въ наступающемъ 1910—11 учебномъ году, въ виду указа Святѣйшаго Синода объ отсроченіи въ наступающемъ учебномъ году занятій до 1 сентября, переносятся съ августа мѣсяца на сентябрь и будутъ производиться въ слѣдующемъ порядкѣ: 1 сентября—переэкзаменовки для учениковъ IV кл. и переэкзаменовки по письменнымъ упражненіямъ во всѣхъ классахъ, 2 сентября—переэкзаменовки по устнымъ предметамъ во всѣхъ классахъ, 3 сентября—пріемныя испытанія для поступающихъ въ приготовительный классъ, 4 и 6 сентября—пріемныя испытанія для поступающихъ въ I кл. 7 сентября—пріемныя испытанія для поступающихъ во II—IV классы, 9 сентября—молебенъ и начало занятій.

2) Очередной сѣздъ депутатовъ Задонскаго училищнаго округа въ семъ году переносится со 2 сентября на 16.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Церковная земля, какъ надежный источникъ содержанія сельскаго духовенства.—*С. А. А. С.*

О христіанскомъ воспитаніи въ школѣ.—*Ш. Никольскаго.*

Маленькія труженицы и небольшіе труженики.—Ученицы сельской школы *Пятницкой.*

De profundis...—*Митр. Аскоченскаго.*

Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ.*
